

ИЗБРАННИЦА ГРОЗЫ

НАСЛЕДНИЦА МОЛНИЙ

АНГЕЛ ШТОРМА

БОГИНЯ ХАОСА

ВЫПУСКНИЦА БУРИ

ШКОЛА ТЕМНЫХ

БОГИНЯ
ХАОСА

ОЛЬГА ПАШНИНА

МОСКВА

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П22

Дизайн обложки *Юлии Девятовой*

Разработка серийного оформления *Кати Тинмей*

Пашнина, Ольга Олеговна.

П22 Богиня хаоса / Ольга Пашнина. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-160553-7

Деллин Шторм мертва. Или нет? Возродившаяся в ней темная богиня возвращает ее к жизни, и два сознания, два существа сливаются в одно. За спиной — крылья и хаос. В руках — древняя сила, которой надо суметь овладеть. Как противостоять темному богу, когда тьма живет в тебе самой?

Битвы со злом, новые и старые друзья, Школа темных и Огненный король. Пришло время укротить хаос, чтобы предотвратить бурю и спасти мир.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160553-7

© Пашнина О. О., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Пролог

— Милорд, вы знаете правила.

Невысокий коренастый охранник покачал головой.

— Демоны, это всего лишь апельсин! Ей что, нельзя апельсин?!

— Она ни в чем не нуждается. Пронос любых продуктов и предметов запрещен. Таковы правила.

Пришлось отдать демонов апельсин. Бастиан смотрел, как он исчезает в черном нутре урны, и мрачно думал, что лучшей иллюстрации жизни в последние месяцы и не придумаешь.

Все укатилось в бездну. Ко всем чертям, как бы сказала Деллин.

Скрип решетки выгнали из мрачных мыслей. Это место мало походило на школу, скорее на тюрьму. Хотя нет... он бывал во флеймгордской тюрьме, даже там атмосфера была не такой удушающей. Здесь, казалось, тьма тянула мерзкие щупальца из каждого угла.

Следом за охранником Бастиан прошел во внутренние помещения, миновал магическую завесу, проверившую его на заклятия и артефакты, а затем очутился в крохотной серой комнатке для свиданий. Здесь даже не было стульев: за десять минут, положенных на встречу, невозможно устать.

Гнетущая тишина, серость, запустение — вот что такое закрытая школа.

Самое время преисполниться благодарности Кросту. Или ненависти? Первые годы в Школе Темных Бастиану больше всего на свете хотелось оказаться здесь. Когда магия вышла из-под контроля, когда кровь в венах превратилась в жидкий огонь. Когда больно было каждую минуту существования, и если бы эта боль была физической, он бы стерпел. Ди Файры умели терпеть.

Но вместе с внутренностями магия выжигала душу. Напоминанием о холодном приговоре темного магистра.

Потом появилась Деллин Шторм. Воспитанница Кроста, племянница — так ее представили. Он ненавидел ее за то, что она жива, за то, что свою родственницу Крост не отдал в закрытую школу, заботливо пристроив поближе, под теплое крылышко.

А еще она была красивая. И дерзкая. Давно забытое ощущение желания всколыхнулось, осмотрелось, затащило девочку в подсобку. И там она его поцеловала. Насмешка судьбы: он влюбился в племянницу Кеймана Кроста.

А потом чуть не умер.

— Бастиан...

Он обернулся и мысленно содрогнулся: Брина отчетливо напоминала призрака. Худая до невозможности, в дурацкой форме школы. Под глазами ужасные синяки, бледная, с исцарапанными руками.

— Боги, Брина...

Она бросилась ему на шею, и Бастиан не смог не обнять. Она его сестра. Маленькая родная Брина, которая всегда была рядом. В нее влюблялись все его друзья, на нее восхищенно оборачивались. Ее ждали. И она его обожала, смотрела своими огромными глазищами, смеялась, всецело доверяла брату. Едва не погибла сама от горя, когда думала, что потеряла единственного родного человека. Ее он хранил, будучи призраком, ради нее цеплялся за тоненькую ниточку, удерживающую от смерти.

Она убила девушку, которой огненный король собирался подарить половину королевства. Но Бастиан все равно любил сестру.

— Бастиан! — Она дрожала в его руках, цеплялась, как утопающий цепляется за плавающую в воде деревяшку.

— Все хорошо, малышка. Все будет хорошо.

— Нет! Это... боги, я так больше не могу. Пожалуйста, за-
бери меня, я...

— Брина, это невозможно. Прости, даже моей власти не хватит. Осталось несколько месяцев до суда, они не посмеют назначить высшую меру...

Брина отчаянно замотала головой, а из груди у нее вырвался вскрик.

— Они оставят меня здесь! Я не хочу, Бастиан... это так тяжело, ты не представляешь...

В закрытой школе легко не бывает. Когда целыми днями кто-то грязными лапами лезет в эмоции, доводит их до предела, выплескивая магию, нетрудно сойти с ума. И кто-то сходит. А кто-то умирает. Немногие выходят из закрытых школ живыми и невредимыми, лишенными абсолютно всей силы. Вряд ли Брина справится, она никогда не была сильной девочкой.

— Ты... — Она посмотрела ему в глаза. — Ты сделаешь то, что я попрошу?

— Что, родная?

Он не может ничего. Не может вытащить ее отсюда. Не может закрыть собой от тех, кто хочет ей навредить. Не сумел помочь, был слишком занят личной жизнью, чтобы заметить, как сестру медленно сводит с ума психованный темный бог. Это расплата, только почему по его счетам платят Брина и Делли?

— Сделай так, чтобы это кончилось. Бастиан... пусть они прикажут меня убить, пусть суд...

— Брина! Замолчи немедленно! О чем ты говоришь? Никто не позволит назначить смертную казнь...

— Тогда меня запрут здесь. И это будет длиться вечность. Каждый день, с самого утра. Несколько лет пыток. Пока ма-

гии во мне не останется, пока не останется ничего от меня... и если случится чудо и я не умру, то что? Остаток жизни проведу запертая в доме? Неспособная даже вспомнить, кто я? Так нельзя, Бастиан. Нельзя так поступать с мамой... и с Китти. И с тобой. Подумай, я прошу тебя, подумай!

Она схватила его за руку, прижала к груди, прямо как Китти, когда засыпала. Закрыла глаза и обреченно, до безумия спокойно улыбнулась.

— Тебе нужно быть королем, Бастиан. Отбросить эмоции. Пойми меня, пожалуйста. Я хочу, чтобы вы меня помнили. А не страдали на протяжении всей жизни. Так будет правильно.

— Бриана, я же обещал тебя спасти.

— Просто не всегда спасти означает оставить жить.

— Время вышло! — Охранник с абсолютно каменным лицом открыл дверь в комнату и настойчиво потопал ногой.

— Пожалуйста, Бастиан! Скажи им! Я не могу здесь оставаться!

Это выше его сил. Разве можно собственными руками подписать смертный приговор родной сестре?

— Мне жаль ее, — донеслось ему вслед. — Я ее любила. Попроси прощения, если получится.

Говорят, сильные эмоции разрушают. Магия плотно завязана на них. И если эмоции выходят из-под контроля, магия из дара превращается в проклятие. Детей отправляют в закрытые школы, такие, как эта. Немногих счастливиц — в школу Кроста. Считается, что, если однажды с взбунтовавшейся магией удастся справиться, больше рисков нет.

Но Бастиану казалось, что еще несколько капель — и огонь внутри вырвется наружу. Превратит весь Штормхолд в пепелище.

И он даже не станет рыдать по этому поводу.

Когда-то, глядя на отца, Бастиан думал: однажды ты, скотина, сдохнешь, и я стану королем. Получу эту гребаную стихию и добыю каждую сволочь, которая сидела тогда на Совете, слушала Кроста и кивала с туповатым выражением лица.

А сейчас и неясно, кого добивать. Себя, что ли? Однажды он явно это делает, снова по кругу перебирая тысячи «если». Если бы он был внимательнее к Брине. Если бы он не отрубился мертвым сном рядом с Деллин. Если бы проснулся и услышал, как она ушла. Если бы спустился в гостиную чуть раньше. Если бы сдох, и Акорион не выбрал Брину своим оружием.

День не мог стать еще хуже, поэтому вместо того, чтобы отправиться домой, Бастиан полетел к Деллин. Привычный ритуал: сквозь мутноватое стекло палаты в лекарском доме смотреть на нее. Если долго всматриваться, то можно представить, как дрожат ресницы или изгибаются в легкой улыбке губы. Вообразить, что она проснется, хотя на это уже почти не осталось шансов. У него хватит денег, чтобы магией поддерживать в ней жизнь целую вечность, но какой в этом толк, если нет ни единого шанса однажды вытащить ее?

Если бы он мог, то достал бы собственное сердце и лично заставил его биться в груди Делл.

Сегодня что-то было не так. Лекарка, дежурившая возле входа в лекарский дом, при виде него испуганно вздрогнула и вскочила.

— Лорд ди Файр... лекарь Градиссон просил вам сообщить, я как раз писала...

— Что сообщить?

— Девушка, которую вы привезли... Деллин Шторм.

— Ну?! — рыкнул он, еще больше перепугав девчонку.

— Она умерла сегодня.

Вот так, Делли. Ты все-таки не осталась с ним. Легче ли тебе стало? И что теперь делать тем, кто не может уйти с тобой?

Он должен был на нее взглянуть. Попрощаться, хоть и попрощался тысячи раз.

Возле самого входа в крыло, полностью оцепленное, чтобы ни один любопытный взгляд не потревожил Делл, дорожку ему вдруг перегородила Яспера.

— Стой! Тебе нельзя туда.

— Что? — Бастиану показалось, он ослышался. — Мне нельзя увидеть Делл? Она была моей девушкой! Там что, Крост? Какая скотина его пустила?!

— Я.

— Тебе напомнить обязанности, Яспера?

Он рванулся было к двери, но демоница приложила все силы, чтобы удержать.

— погоди! Стой! Выбора не было, она... идем. Идем, посмотришь сам и поймешь.

В комнате было темно. Плотно задернутые шторы, закрытая наглухо дверь. Зрение не сразу позволило рассмотреть, что там происходит, только когда Яспера погасила свет, Бастиан смог всмотреться в две фигуры. И сердце предательски дрогнуло. Потом замерло на секунду в безумной надежде. А потом превратилось в камень.

Крост стоял, опустившись на колено, протягивая руку к темному углу, куда забились худенькая фигурка. Из-за сложенных нетопыриных крыльев было невозможно рассмотреть девушку, только иссиня-черные тяжелые кудри спадали на черные кожистые перепонки. Она боялась, как зверек боится хищника, сжимается в комочек, прячась от опасности.

Взгляд метнулся к постели Делл. Она, конечно, была пуста.

Звук с трудом пробивался через толстое стекло, но Бастиан хорошо умел читать по губам.

— Таара... — медленно произнес Крост. — Посмотри на меня. Не бойся. Дай мне руку.

И она посмотрела. Подняла голову, несколько секунд смотрела безумным, полным отчаяния и страха взглядом, а потом медленно вложила дрожащие пальцы в ладонь бога грозы.

Глава 1

Я проснулась. Демоны, как банально. Как будто бездарный автор не нашел другого способа начать книгу. Герой проснулся — и вот вам отправная точка. Что же он будет делать дальше? А дальше, по канонам, мне нужно было подняться и посмотреть на себя в зеркало, чтобы читатель понял, как выглядит бедняга, замученный графоманом.

Только маленькая проблемка: в комнате, где я спала, не оказалось зеркала. И, хаос их всех раздери, это была не дешевенькая книжка. А моя жизнь. Или смерть. Здесь зависит, с какой стороны смотреть.

Во рту пересохло, я поняла, что готова отдать душу за глоток воды, и осмотрелась. Ну да, конечно, Крост не мог оставить меня без воды, но побоялся давать то, что можно разбить, поэтому поставил каменную чашу, невольно навевающую мысли о миске для домашнего зверька.

С учетом того, что я проснулась на полу в темной и абсолютно пустой комнате, картинка получилась довольно забавная. Не была бы я еще голой!

Когда потянулась к чаше, спину пронзило острой болью. От долгого лежания на твердом полу крылья затекли и болели у самого основания. Как будто кто-то выкручивал их из тела. Стиснув зубы, я кое-как доползла до воды и в несколько глотков осушила чашу.

Сквозь заколоченное окно не пробивался ни единый лучик света. Зато в комнате была дверь. Дверь — это хорошо. Это уже шанс выбраться отсюда.

Мне не хотелось кричать и привлекать к себе внимание. Но жизненно необходимо было размять ноги, крылья, понять, где я вообще нахожусь и что происходит. А потом уже решать, что со всем этим делать. Поэтому я бесшумно подошла к двери и прислушалась. Дом был абсолютно тих.

Замок, естественно, оказался заперт, к тому же снаружи еще явно имелся навесной. Но хоть я и чувствовала себя так, словно попала под лапы бешеного дракона, силы не до конца покинули тело. Я вытащила замок вместе с ручкой, оставив безобразную дыру в двери. Надеюсь, Крост не прикипел к ней душой.

Темный коридор, ковер с замысловатым узором, от которого закружилась голова. Какие-то штормхолдские пейзажики на стенах, редкостная мазня, надо заметить. Никого и ничего: кажется, дом был пуст.

Я брела вдоль коридора, открывая все двери подряд. Большинство оказались заперты, но одна комната меня заинтересовала. Интуиция подсказала, что в огромном платяном шкафу можно найти хоть какую-то одежду, чтобы не щеголять в таком виде по дому, пугая случайных зрителей. А когда я открыла дверцы, то удивленно хмыкнула: надо же, меня ждали. Целый ворох платьев: от дорожных до вечерних.

Ну, или это чужие платья, и тогда извините — придется одно позаимствовать.

А вот и зеркало нашлось. Я поморщилась при виде усталого осунувшегося лица со следом ладонки на щеке. Волосы хоть и были чистыми, спутались, а при попытке уложить их в некоторое подобие прически кожа головы отозвалась противной болью.

Плывать, сойдет для начала. Найти расческу и заколку не проблема. Если мир вообще еще жив. Потому что я совсем не была уверена, что не выйду из дома на пепелище, прямоком в апокалипсис. Всякое бывает, я даже не знала, сколько прошло времени.

Голоса стали слышны уже у самой лестницы. Я замерла, прижавшись к стене, вслушиваясь в негромкий разговор. Голос Кроста узнала сразу, кажется, он говорил со мной совсем недавно. А вот его собеседник... понадобилась долгая минута, чтобы осознать: это Акорион. Версия с апокалипсисом стала основной.

— Мне не нужна Деллин Шторм. Мне нужна моя сестра. Если ее нет... значит, никто не смеет быть на нее похожей.

— Ты всерьез считаешь, что я вот так просто дам тебе всю информацию? Деллин Шторм мертва. Ты убил ее руками Брины ди Файр. Что еще ты хочешь от меня услышать?

— Правду, Крост. Деллин Шторм мертва, но у нее нет могилы. Она мертва, но никому об этом не объявили. Ее друзья не скорбят по ней. Может, на то есть причины?

О да, причина была, и я вряд ли смогла бы дальше молча слушать их разговор. После нескольких недель какого-то странного состояния на грани между сном и явью внутри все кипело от нерастратченной энергии. И магической, и другой...

— Привет, мальчики. — Я вышла на свет.

Губы тронула усмешка. С лица Кеймана сошла краска, а в глазах Акориона промелькнула надежда. Под их взглядами я спустилась в гостиную.

— Скучали без меня?

И через секунду надежда в глазах брата сменилась такой чистой радостью, такой нежностью, что, когда Акорион подошел ко мне и попытался заключить в объятия, бить его в челюсть было даже неловко. Ошалевший бог отскочил на добрый метр и уставился на меня обиженно, как маленький ребенок. Я рассмеялась, неожиданно звонко и как-то... жутковато.

— Ей было очень больно, братик. Нож в печень, никто не вечен, да? Нельзя было тихо задушить? Отравить? Утопить? Хотя нет, это не эстетично... ну демоны, Акорион, это на самом деле было больно. И у меня остался шрам.

— Прости, любовь моя. Я...

— Ты. Демонов эгоист без души и мозгов!

Ярость просилась наружу, и я не нашла причин ей отказать. На магию, наверное, не хватило бы сил, но в этот момент я была так зла, что справилась и без нее. Акорион опешил: последнее, чего он ждал от встречи с сестричкой, — что она залепит ему пощечину, а потом острыми когтями вопьется в шею. Капельки черной крови выступили на бледной коже брата.

— Таара... — прохрипел он.

— Что?! — рывкнула я. — Ты меня в ад отправил! Ты со своими играми! Ты хоть знаешь, что такое смерть?! Ты хоть раз умирал?! О нет, ты, сученыш, жил припеваючи, а я отправилась в хаос...

— Таара, ты напугана, но...

— Но что?!

— Ты не представляешь, как я ждал тебя...

— Что? Говори четче, Акорион, — я сжала руку сильнее, перекрывая доступ воздуха, — ни демона не слышно!

Сдохнуть не сдохнет, но шрамы от когтей долго будут украшать рожу. Подумав, я махнула рукой, оставляя три глубокие царапины еще и на щеке.

— Ждал он. С-с-скотина-а-а...

— Да что с тобой такое?! — Он все же приложил усилия и вырвался из моей хватки. — Я сделал все, чтобы вернуть тебя! Это он убил тебя! А не я! Я тебя вернул, что я сделал не так?!

Рядом стоял какой-то стул, его я и подхватила, со всей дури запустив в Акориона. Дури было много, братик отмахнулся от снаряда с завидной легкостью — и окно позади него разлетелось вдребезги.

— Ну вот, — где-то за спиной вздохнул Крост.

Ладно, добьем вручную. Правда, второй раз Акорион уже не дал к нему подойти. Мелькнула мысль взлететь и плюнуть сверху, но люстра висела уж больно низко. Обидно запутаться волосами в канделябре прямо во время атаки.

— Что не так?! — заорала я. — Что не так?! Тебе еще не нравится?! Версия не та! Система к заводским настройкам откатилась, мудака ты бесхребетный!

— Я бесхребетный?!

Меня ощутимо ударило волной темной магии. Недостаточно, чтобы причинить вред, но довольно обидно.

— А кто бросил меня, а?! Оставил расхлебывать устроенное, а сам сбежал в соседний мир?!

— Он запер меня там!

— Ну конечно, ты не виноват. Ты никогда не виноват! А я за тебя подыхай?!

— Да я потратил годы, чтобы ты вернулась!

— Лучше бы ты потратил деньги на нормальную прическу!

На секунду я подумала, будто злость отпустила, но в следующий момент Акорион попытался сгрести меня в объятия, и крышу снова сорвало. Эмоции вместе с магией, которой не давали свободы безумно долго, вырвались наружу яркой вспышкой. Она отбросила брата с такой силой, что он снес кусок стены и приземлился куда-то в кусты. Я сделала глубокий вдох, а Акорион исчез, оставив на память только легкий черный дымок.

Тактическое отступление. Он еще явно не сказал последнее слово.

— О да. Мне полегчало.

— Рад за тебя, — мрачно хмыкнул Крост. — Есть хочешь? Я хотела жить. Не больше и не меньше.

Вкус мяса, тарелку с которым через несколько минут поставил передо мной Крост, был божественным, несмотря на всю иронию этого слова. Есть хотелось так сильно, что я едва не сорвалась и не начала хватать руками, торопливо запихивая в рот все, что попадалось на глаза. Нечеловеческим (снова смешное слово) усилием заставила себя есть спокойно: еду никто не отбирал.

Хотя Крост сидел напротив, будто бы расслабленно облокотившись на спинку стула. Небрежность позы, впрочем, могла обмануть только того, кто ни разу не общался с ним. Он буквально прожигал меня взглядом, и наконец я не выдержала.

— Что?

— Смотрю. Пытаюсь понять, в каком ты состоянии.

— Еще сама не поняла, — честно ответила я. — Сколько времени я жива?

— Несколько недель. Я думал, ты не придешь в себя. Пришлось запереть.

— Ничего не помню. Только голова ужасно болит.

— Не нужно было так кричать.

— Он сам виноват.

— Но голова-то болит у тебя.

— Зато у него следы моих когтей на роже.

— Тогда терпи.

Жаль, я надеялась на какую-нибудь помощь. Когда-то давно Крост умел лечить головную боль одним прикосновением. Хотя вряд ли он еще хотел ко мне прикасаться.

Я почувствовала, что утолила первый голод, и осмотрелась. Дом выглядел здоровенным, но необжитым. Как будто хозяин приходил сюда только ночевать. Или навещать дикую девчонку, запертую наверху.

— Где мы? Какой город?

— Спаркхард.

— М-м-м...

— Рядом моя школа. Я не мог бросить работу, чтобы смотреть за тобой.

— Школа...

Все, больше не смогу съесть ни кусочка. Хотя оставлять недоеденное мясо было жалко. Вообще, складывалось ощущение, будто все время, проведенное в хаосе, меня морили голодом. Хотя вряд ли духи испытывают голод. Скорее, дело в неделях, проведенных в бессознательном состоянии. Я помню последние дни смутными урывками, и, кажется, постоянно кусалась и брыкалась, не способная воспринимать окружающую действительность.

— Что теперь? — спросила я.

— Ты мне скажи. Зависит от твоего состояния. И... — Крост задумчиво на меня посмотрел. — Целей.

— Я не знаю. Что происходит? Чего хочет Акорион? Что планируешь ты?

Крост вдруг поднялся.

— Тебе нужно поспать. Поговорим завтра утром.

— Но...

— Я дам тебе комнату с кроватью, если ты пообещаешь не делать глупостей. Тебе нельзя выходить наружу, ты еще слишком слаба.

— Я никуда не собираюсь. Меньше всего мне хочется бродить по улице с этим, — кивнула на крылья. — Я останусь в доме, можешь не беспокоиться.

— В комнате, — поправил Крост. — Я запроу тебя там.

Я хмыкнула, вспомнив выломанный с мясом замок. Может, Крост не станет ее проверять и не узнает? Хотя, вероятно, едва увидит, запрет меня где-то в более надежном месте. В подземном мире, например... воткнет цепь в скалу возле расщелины с хаосом и оставит там подыхать.

— Но скажи хотя бы, что происходит!

— Делл... Таара, я устал. И не настроен сейчас разговаривать. Обсудим все завтра. Поднимайся наверх. Я принесу тебе полотенце, примешь душ.

Сил и вправду оказалось не так много, как хотелось бы. Возбуждение от встречи с Акорионом прошло, и, едва поднявшись, я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Выругалась сквозь зубы, схватилась за столешницу и пошатнулась.

— Душ подождет, — тут же заключил Крост. — Тебе нужно поспать. Иди сюда.

Он без особых усилий поднял меня на руки. Знакомый запах обнажил давние воспоминания, и я не удержалась: положила голову на плечо и закрыла глаза. Демоны, как хорошо дома! Как приятно, когда единственная боль, которая беспокоит, головная. И когда тебя вот так несут в постель, осторожно опускают на мягкий плед.

— Твои крылья будут проблемой, — хмыкнул Крост.

Я уже заметила: кровать стояла в углу, и крылья на ней не помещались, больно упираясь в стенку. Но все это сущие мелочи по сравнению с блаженством от ощущения мягкой постели.

— Я по тебе скучала, — улыбнулась я.

Протянула руку.

— Иди сюда. Останься.

— Ты либо затыкаешься и спишь, либо я снова отправлю тебя на чердак и на этот раз прикую цепью. Я не шучу, Таара.

— Ладно. — Я подняла руки, сдаваясь. — Все. Сплю. Ты меня не слышишь и не видишь.

Только это было легче сказать, чем сделать. Как уснуть, когда часть тела просто не помещается на постели? Я пыталась спать на спине, поставив крыло торчком вдоль стены — быстро поняла, что это очень больно. Пыталась спать на животе, подняв крылья над собой, но это оказалось все равно что пытаться уснуть с вытянутыми к потолку руками. Пыталась спать на боку и только-только провалилась в дремоту, как перевернулась и со всей дури ударилась крылом о стену. Чуть не сломала, из глаз искры посыпались.

Сколько ругательств вспомнила... Можно целый словарь составить. Желание поспать на мягком боролось с желанием хоть как-то уже поспать, пусть и на полу, и в итоге победило. Поднявшись, я принялась двигать кровать на центр комнаты. Расчет был простой: лягу посередине, и крылья будут одинаково свисать с краев. Недостаточно сильно, чтобы было больно.

Массивная тяжеленная мебель ездил по полу с противным писком. Все силы ушли на выломанный замок и стычку с братиком, поэтому я упиралась ногами в паркет и тащила на себя эту проклятую кровать, поднимая грохот на весь дом. Демоны... надеюсь, спальня Кроста не под этой комнатой. Иначе он уже оглох...

— Таара, что ты делаешь?! — дверь в комнату резко открылась, явив полуобнаженного Кроста с растрепанными черными волосами.

Вот твою же мать, он все еще хорош. И зол...

— Двигаю кровать.

— Зачем?!

— Крыльям неудобно. Очень больно биться ими о стенку. Хочу вытащить кровать на центр комнаты.

— Посреди ночи?!

— Крост, мне неудобно, я хочу спать! Ты когда-нибудь спал с торчащими крыльями?

— Нет, — саркастично ответил он. — Только с рогами.

Я окончательно выдохлась и бросила гиблое дело. Демон с ней, с кроватью. Посплю на полу, восстановлю силы, и завтра передвину эту тварь одной левой.

Окинула взглядом комнату, чтобы прикинуть, в каком месте на полу будет удобнее всего устроиться. Но кровать вдруг сама, по велению руки Кроста, все с тем же противным грохочущим скрежетом переехала на середину комнаты.

— Спасибо, — вздохнула я.

— Пожалуйста. Теперь ты наконец ляжешь спать и перестанешь греть на весь Спаркхард?

— Да. Я буду спать тихо, как мышь.

В доказательство самых честных намерений я сладко зевнула и потянулась. Крылья потянулись следом, расправились — и так стало хорошо! До того момента, пока кончик крыла не запутался в низко висящей люстре. Красивой, бесспорно, словно сотканной из бронзового кружева, но зачем же такой опасной-то?!

— Ой! — пискнула я, совсем растеряв былую суровость. — Я застряла.

Показалось, Крост сейчас меня добьет. Закопает где-то в саду, в тех самых кустах, куда приземлился Акорион, а всем скажет что-то вроде: «Ну-с, бывает... не выжила девочка, я ее похоронил, вот венок».

Но все же крыло выпустили на волю.

— С ними всегда было сложно управляться. — Я пожалала плечами.

Крост хмыкнул что-то задумчивое — и был таков. Дверь за ним мягко закрылась, и я отстраненно заметила, что обещанный замок на меня не повесили. Хотя гулять по дому все равно не тянуло. Тело ломило от напряжения. Кое-как приспособив крылья, я улеглась и уставилась в потолок. До

ужаса ненавистное ощущение: тебе кажется, что сознание вот-вот померкнет от дикой усталости, но сон все никак не приходит.

А когда приходит — лучше бы и не приходил.

— Дело ведь не только в нем. Во мне. Я отталкиваю тех, кто меня любит: Аннабет, Кеймана. Катарина и король меня ненавидят. Я просто чувствую, что делаю все неправильно. Но не понимаю, как нужно. Не понимаю, как стать хорошей.

— Делли... ты хорошая. Ты не представляешь, как мне хотелось, чтобы ты смотрела с желанием.

— Дело же не в красоте.

— А я не о красоте говорю. Помнишь, мы встретились в магазине? Ты уже тогда была готова сражаться. У тебя невероятные глаза.

— Мне так страшно. Страшно стать ею. Причинить вам боль.

— Я тебе не позволю. Не отпущу тебя и никогда не приму ее. Что бы ни случилось, мне нужна Деллин Шторм. Та самая, которая поливала меня соком в столовой, целовала в подборке, возвращала из мертвых. Я готов быть королем только рядом с тобой, Делл.

— Да твою же мать!

Я открыла глаза. Взгляд метнулся к часам на стене. Прошло почти пять часов, а ощущение было такое, что я только-только уснула. Голова так и болела, хотя вряд ли ей поможет сон. Мне нужно зелье. И свежий воздух. Недели взаперти, в неадекватном состоянии, кого хочешь добьют.

За окном занимался рассвет. Первые его лучи окрасили небо в светло-синий. Желание вдохнуть хоть капельку утренней прохлады стало таким нестерпимым, что после пары безуспешных попыток открыть окно я выскользнула из комнаты и отправилась на поиски балкона. В первой же гостиной второго этажа такой нашелся, к моему счастью — открытый.

У меня не было обуви, и стоять босиком на холодном камне было ужасно неприятно, но как же здорово оказалось почувствовать ветер! Посмотреть на мигающие на темном небе звезды. Вслушаться в шелест листвы деревьев в саду. Различить вдали огни города.

— Ты хоть когда-нибудь осознаешь значение слова «нельзя»? — услышала я откуда-то сбоку.

Крост стоял на соседнем балконе, хотя соседним он был скорее формально: пространство разделяла невысокая перегородка. В комнате за его спиной горел свет. Я рассмотрела книжные шкафы и кусочек письменного стола и сделала вывод, что это был его кабинет.

— Мне не спалось и захотелось подышать.

— Не сомневаюсь.

Я думала, прогонит обратно в комнату, но он отвернулся и облокотился на перила. Задумчиво смотрел куда-то вдаль и казался не то грустным, не то уставшим.

— Что с тобой? — спросила я.

— М-м-м?

— Ты грустный. Что случилось?

— А есть поводы для веселья?

— Не знаю. Ты ведь обещал мне рассказать все утром. Просто я чувствую, что мое присутствие тебя печалит.

— Нет.

И все. Он умолк, не сводя глаз с мазков рассветных красок у горизонта. Я подумала, что насовсем, но через минуту Крост произнес:

— Я по ней скучаю. Я рад, что ты получила второй шанс, но я привязался к Деллин. Она не заслужила смерти.

— Тогда зачем ты ее оттолкнул?

— Не хотел жить по тому же сценарию. Она снова ушла к тому, кого я воспитал через ненависть. Если бы я остался рядом, все могло бы быть хуже.

— Все стало хуже, потому что ты не остался.

— Знаю. Жаль, что последнее ее реальное воспоминание обо мне... неприятное. Деллин не заслужила умирать одинокой. И вообще умирать в девятнадцать.

Мои пальцы, сжимавшие перила балкона, ослабли. Чувствуя, как ноги немеют от холода, я перелезла на Кростову половину балкона.

— А по мне? Ты скучал так, как по ней?

— Наверное. — Он пожал плечами. — По тебе. По жизни, которой не случилось. По ребенку, который не успел родиться. Я не знаю, Таара. Не знаю, кто я, для чего живу, я сам уничтожил все хорошее, что у меня было. Нельзя было хотеть, чтобы ты вернулась. А я хотел. Когда она говорила, как боится этого, я представлял тебя на ее месте. Ругал себя за такие фантазии, но ничего не мог поделать. И сейчас невольно думаю, что судьба исполнила мое желание... за счет жизни ни в чем не виноватой девчонки. Деллин хорошая девочка. Такая, какой могла бы стать ты, если бы я не пытался вырвать твою любовь, а когда не получилось, заменить похотью.

Там, куда вошел нож, противно ныло, и, осознав, что прижимаю руку к груди, я почувствовала, как слезы все же пролились на щеки. Сколько ни давай себе обещаний не плакать, все равно почему-то не выходит.

Поддавшись внезапному порыву, я потянулась к Кросту, вдохнула знакомый запах. Потерлась носом о его плечо и прерывисто вздохнула.

— Ну что ты плачешь? — ласково спросил он.

— Ничего, — обиженно и почти по-детски буркнула я.

— Вечером избил беднягу Акориона, а теперь стоишь босяком и рыдаешь.

— Я так хотела вернуться! Больше всего на свете. А теперь понятия не имею, как жить...

Его рука невесомо погладила меня по спине и волосам.

— Ну-ка, посмотри-ка на меня, — вдруг в голосе Кроста промелькнули нотки подозрения.

— Что?

— В глаза, говорю, мне посмотри.

Я вытерла слезы и задрала голову, послушно уставившись в черные как ночь глаза.

— Ну и что ты помнишь? — спросил Крост.

Спросил так, как обычно спрашивал: «Ну и кто мне объяснит, почему сгорел чулан?» Не оставляя шанса соврать.

— Все.

Подумав, добавила:

— Ну, кроме билетов по артефакторике.

— Да ты их и не знала никогда, — рассмеялся он.

Потом сгреб меня в объятия, уткнувшись носом в макушку.

— Прости меня, детка. Я не знаю как, но попробую тебе помочь. Исправлю хотя бы часть того, что мы с ним натворили.

Этого «прости» очень не хватало там, в хаосе и тьме. Меня тянули к свету другие слова и воспоминания, и, может, если бы тогда было это, я бы вернулась быстрее. Порой казалось, прошла целая вечность.

— Ты ведь не планировала мне рассказывать, да? Так и хотела делать вид, что в домике, да? И Деллин Шторм тебя совсем не волнует, и воспоминаний у тебя ее нет, и вообще ты вся такая крутая стерва с крыльями проснулась от вечного сна и сейчас покажешь нам, как надо веселиться?

— Ты спрашиваешь слишком много, — вздохнула я. — Не знаю. Не знаю, что я планировала. Я подумала, что, возможно, так всем будет проще. Проще принять, что я — другой человек, чем как-то объяснить... черт, это непросто! Я... помню такие вещи... но ведь я знала их и раньше. Мне нужно немного времени. Я не могу стать кем-то, если сама не знаю, кем хочу быть.

— Так, — Крост вдруг отстранился, нарушив трогательную сцену очередным вопросом. — А если ты все помнишь, зачем это ты предлагала мне остаться?

Я хихикнула.

— Отомстила за первую встречу в гостинице.

— А если бы я согласился?

— Ты бы не согласился.

— Понятно, последствия мести опять не продумала.

— Это был экспромт.

— Дать бы тебе ремня, Таара. Или Деллин. Или обеим.

— Эй! Я не хочу загреметь в психушку с раздвоением личности.

— Тогда определяйся скорее. Скрывать тебя долго не выйдет.

— Я не знаю. Это сложно. Я — это я. Понимаешь?

— Нет, и слава демонам. Идем в дом, ты замерзла. Я уже лечил тебя от воспаления легких и не хочу снова занять в доме капризную девицу.

— А, — я отмахнулась, — этому телу ничего не будет. Оно и не такое выдерживало.

— А если однажды не выдержит, ты снова сделаешь удивленный вид и скажешь «ой»?

На самом деле я сопротивлялась больше для вида, ноги заledenели и, по ощущениям, покрылись инеем. Тепло камина, горевшего в кабинете, я встретила с удовольствием.

— Сядь, — сказал Крост, — раз тебе не спится, принесу что-нибудь горячее. Постарайся нигде не застрять и ничего не сломать. Держи крылышки при себе.

— Как скажете, магистр. — Я принялась рассматривать книги на полках.

Кабинет, как и весь остальной дом, совсем не производил впечатления обжитого пространства. Крост здесь не работал, лишь изредка проводил время — об этом свидетельствовали карманный блокнот с пометками на столе и небрежно брошенная на кресло вчерашняя газета. Вот за нее я и ухватилась. Удобно устроилась (насколько вообще это можно было сделать, имея за спиной два здоровенных перепончатых крыла) и приготовилась вникать в последние новости, сенсации и сплетни Штормхолда.

— Я бы тебе не рекомендовал это делать.

Крост вернулся быстро, держа в руках две чашки с чем-то горячим. По запаху и цвету я распознала прогретое вино. Рассмеялась, пригубив пряный напиток.

— То есть я должна сидеть под замком и спрашивать разрешения на короткую прогулку, но раз уж когда-то я была хорошей скромной девочкой и помню те славные времена, то можно выпить?

— Это когда это ты была хорошей скромной девочкой?

— Ты сам сказал об этом на балконе. «Деллин — хорошая девочка». А у меня отличная память.

— Значит, я могу рассчитывать, что в этом году твоя учеба пойдет в гору? Раз память улучшилась?

Я подавилась вином и закашлялась.

— Что?! Я что, все равно пойду в школу?!

— А ты как думала? Тебе нужно научиться контролировать себя. Силу, тело, воспоминания, эмоции. Мне нужно быть в школе, я не могу жить на два места. Пара сотен оболтусов с нестабильной магией на одной чаше весов и ты на другой. Выбор очевиден.

— Капец! — возмутилась я. — Смерть — не повод для прогулов. Скажи еще, что заставишь отработать пропущенный семестр.

— Ты посмотри, и сообразительность повысилась.

С полминуты я думала, как ответить, но не нашлась и снова уткнулась в газету.

— Я серьезно, — сказал Крост. — Лучше не читай. Если ты все помнишь, то не читай.

— Почему?

— Многое изменилось, пока ты... м-м-м... изволила спать.

— Сколько прошло времени?

— Полгода.

Я открыла рот и едва удержала кружку. Полгода? Полгода?! ПОЛГОДА?!

После такого заявления отказаться от просмотра новостей стало почти невозможно. Ждать, пока Крост все расскажет? В своем фирменном стиле «расскажу кое-что, половину умолчав для твоего же блага, а когда все раскроется, сделаю вид, будто надеялся, что ты не узнаешь».

На первой полосе красовалось изображение принцессы, поэтому статья меня не особо заинтересовала. Наверняка какая-нибудь заметка о том, что у Катарины сорвалась свадьба или Катарина посетила приют для брошенных животных. До тошноты слащавая и позитивная, как и все, что писали о принцессе раньше. Но Крост, когда я, не задумываясь, пере-

вернула страницу, удивленно хмыкнул. Пришлось вернуться. Когда до меня дошел смысл подзаголовка, я замысловато выругалась и хлебнула сразу половину кружки с вином.

«Темные времена: поможет ли Штормхолду жертва безумной богине?»

— Эт-т-то ч-что? — От шока я даже слегка стала заикаться.

— Это проблема номер один. Сайлер.

— Я... это желтая газета, да?

— Боюсь, что нет.

— «Ситуация в Штормхолде угрожает не просто стабильности и процветанию королевства, но и ставит вопрос о его существовании. Немыслимое поднятие цен на крупичи магии воздуха и земли поставили миллионы подданных на край нищеты. По всему Флеймгорду гремят протесты, недовольство в обществе растет. На дворцовой площади уже вторую неделю проходят столкновения стражи с протестующими.

Такого еще не случалось: месторождения магии истощаются. Крупичи воздуха и земли уже превратились в роскошь, не доступную большинству. Когда то же самое произойдет с огнем и водой? Вот главный вопрос, интересующий Штормхолд.

От его величества и Совета Магов требуют решительных действий, и буквально накануне стало известно: когда на кону благополучие мира, нет места личным драмам и слабостям. Давно забытые ритуалы вновь призваны обратить на Штормхолд внимание богов. В последний день лета, на закате, богиня хаоса и смерти примет дар его величества. И мы воздаем дань уважения принцессе Катарине, жертвующей ради Штормхолда и его подданных своей душой. И надеемся, что Таара обратит пламя хаоса на наше благо».

Что за...

— Я же говорил: не читай.

— Он сошел с ума?

— Нет. Сайлер не сошел с ума. Он... м-м-м... преследует свои цели.

— Он помогает Акориону?

— Нет. Но видишь какая штука? Эрстенни и фон Эйры подняли цены на крупы, мотивируя это истощением месторождений. Куча народа осталась без магии, работы, еды. Голод, паника, протесты, народ призывает распустить к чертям Совет Магов, раз им больше не позволяют колдовать. Ну и Сайлеру удалось убедить Совет, что Таара поможет Штормхолду в обмен на древний ритуал, о котором все забыли.

— Принцесса для свиты. Да он псих! Она же его дочь!

— Для королей трон всегда был дороже жен, детей и даже души.

— Я такой херни не говорила! Мне не нужна Катарина!

— А Сайлеру не нужно твое благословение. Ему нужен образ беззаветно преданного людям короля, пожертвовавшего ради народа всем. Поэтому Катарина считает, что спасает людей, Совет полагает, что просит помощи у забытой богини, а король поднимает — как там у вас говорят? — рейтинг.

— И ты с ним дружил!

— Я с ним не дружил, я с ним взаимовыгодно сотрудничал.

— Ты что, не мог ничего сделать?! Рассказать, как все на самом деле? Ты же в Совете!

— Я из него исключен, — усмехнулся Крост.

— Капец! — в голосе прорезались истерические нотки. — Бога исключили из Совета Магов его же мира!

— Зато мы почти собрали Совет Богов.

— И Совет Богов советует королю пойти в задницу.

— Нам нужна печать — и можно отправлять официальную ноту протеста.

— Смешно. Но почему ты не вмешался?

— Я думаю. Время еще есть.

— У меня пропал дар речи!

— Наконец-то. Я уже и не надеялся.

Я допила остатки вина и, поняв, что хуже уже не будет, перевернула страницу. Что в этом дурдоме еще случилось?

— Суд по делу Брины ди Файр? Ее что, судят? За что?!

— За покушение на убийство. Считаешь, повод недостаточный?

— Он ее заставил, — сказала я. — Против Акориона обычному человеку не выстоять.

— Я знаю. Но официально Акорион — это Дэвид Даркхолд, темный маг, бросивший вызов безопасности, независимости и единству Штормхолда. Не смотри на меня так, это из статьи. Стычка в театре просочилась в народ, пришлось выпускать легенду. Во время ее обсуждения меня и исключили из Совета. Надо сказать, времени стало значительно больше.

— Но... — Я бегло пролистала газету. — Здесь парочка статей о темной магии вообще. А если они ее запретят? Закроют школу и устроят охоту?

— Сайлер не совсем дурак. Точнее, совсем не дурак. Рискнуть пойти против меня он не решится. Против других темных тоже. Их мало, но они компенсируют численность силой. На данный момент мы в нейтралитете. Он понимает, что так или иначе разбираться с Акорионом мне. А ему — постараться удержать свою священную табуретку в том случае, если победа будет за мной. Немного обидно, конечно, я надеялся на некоторое содействие. Но давай будем честны: с королями у этого мира все не слава богам.

Я, уловив намек, снова поспешила спрятаться за газетой. Все-таки пресса — зеркало общества. В ней столько же чуши, сколько и в головах тех, кому не хватает ресурсов или желания разбираться самостоятельно. Наверное, прибыли у них сейчас сумасшедшие.

— Ну, раз я жива, Брину ведь не посадят? Подумаешь, пырнула ножичком подругу... да мало ли какая женская дружба бывает. Это они еще к Балу Огня не готовились. Там каждая вторая мысленно превращалась в маньяка.

— Все не так просто. Бриана — инструмент давления на Бастиана. А Бастиан — кость в горле Сайлера и Акориона. Поэтому они отвергли версию о ментальном внушении, засунули Брину в закрытую школу на то время, пока детективы работают, и готовят прошение о смертной казни. За-

конники Бастиана одновременно с этим пытаются настоять на заключении. Но, думаю, последует какое-то предложение для ди Файра, от которого он не сможет отказаться.

— Смертную казнь?! Они психи!

Крост невесело хмыкнул. Демоны, лучше бы я спала! Лучше бы изображала умирающую (а точнее — оживающую) девицу и еще полгода передвигалась по дому с исключительно несчастным видом.

— И какой мотив? Брина убила подружку, просто потому что гладиолус?

— Ревность.

— Э-э-э?

— Обвинение утверждает, что между Бастианом и Бриной были отношения, выходящие за рамки отношений брата с сестрой. Он начал встречаться с тобой, Брина взбесилась и попыталась тебя убить. Положение Бастиана осложняет то, что он пытался спрятать ее. Законники его, конечно, отмазали состоянием глубокого шока. Парень проснулся и нашел мертвую девушку и сестру без сознания рядом. Но вся эта история в глазах обывателя выглядит дурно.

— Так. Кто подарил Сайлеру книжки с легендами про богов? Он явно оттуда черпает идеи. Черт... закрытая школа. Я почти ничего о ней не знаю, почему Брину туда поместили?

— Ее нельзя держать в тюрьме, магия слишком сильная. Поэтому Брина ждет суда там, где эту магию нейтрализуют.

Быстро вспомнились пары по нейтрализации, где Крост, усмехаясь, сказал, что это всего лишь красивое слово для маскировки убийства. А еще были занятия в лесу — демоны, как же давно! — где в эмоции, в самое нутро, нагло и болезненно лезли без предупреждения. Если Брина уже полгода там...

— Надо ее вытащить.

— Да, полагаю. Но сейчас любое решительное действие — гвоздь в крышку гроба Бастиана. А он, к сожалению, нам нужен. Нельзя допустить, чтобы его в чем-то обвинили, потому что иначе ему придется или сесть, или бежать. Акорион тогда откроет бутылочку игристого.

— Никогда в жизни мне еще так не хотелось поделить братика на ноль!

— Согласно математике твоего мира, деление на ноль — что принимается делением на бесконечно малое число — дает бесконечность. Зачем нам бесконечное количество Акрионов?

Я посмотрела на него, пытаюсь понять, шутка это или Крост и вправду так занудствует?

— Это устойчивое выражение, — наконец буркнула я.

Первые лучи яркого утреннего солнышка меж тем отразились от стеклянной дверцы шкафа, бросая солнечных зайчиков на предметы. Я вместе с креслом отодвинулась, чтобы не жмуриться.

— И что делать? — вопросительно посмотрела на Кроста. Он пожал плечами.

— Думать. Поэтому мы здесь. Поэтому мне пришлось купить дом в Спаркхарде. Занятия начнутся через несколько недель. За это время нужно решить, как представить тебя в школе, как объяснить твои крылья. Ты точно не можешь их спрятать?

— Не могу. Они же из меня растут. В отличие от твоих приставных рогов.

— Ты не можешь прикрутить свою язвительность? Начинаешь напоминать своего огненного приятеля.

— Извини. — Я потеряла глаза и зевнула.

Пожалуй, мне стоило еще поспать, но в то же время надеяться, что с такими новостями получится уснуть, было бы глупо.

— Ты не хочешь с ним поговорить? — вдруг спросил Кейман, и я мысленно сжалась в кресле.

— Я...

— Будешь устраивать мне в школе новый сезон сериала «Деллин и ребята»?

— Мне надо прийти в себя.

— А ему нет? Я не самый большой поклонник Бастиана ди Файра, но заслуживает он хотя бы знать, что Деллин Шторм все же жива?

— Я поговорю с ним, когда появится возможность съездить во Флеймгорд. Сейчас путешествие дастся мне тяжеловато.

— Он здесь.

— Что? — Я вскинула голову.

— Дома Огня и Воды перенесли основные резиденции в Спаркхард. Бастиан и Уотерторн здесь. Мотаются во Флеймгорд каждую неделю, конечно, но у нас не осталось вариантов. Флеймгорд под полным контролем Сайлера. А здесь есть возможность работать сообща.

Кажется, больше ничто в мире не было способно ввергнуть меня в удивление. Хотя Крост явно мог с этим поспорить. И не стал выжидать удобного момента, огорошил сразу.

— То есть ты работаешь с Бастианом и Ареном Уотерторном над планом по уничтожению Акориона, в то время как король в столице занимается каким-то мракобесием, принося жертвы и рассказывая сказки?

— Да, как-то так.

— Есть еще что-то, что мне лучше знать? Кейман, скажи сразу, потому что когда челюсть падает на пол — на ней остаются синяки.

— Яспера ушла из школы и работает на Бастиана.

— Потрясающе. Просто работает? Или умудряется сочетать приятное с полезным?

— Нет уж, обсуждать сплетни я не собираюсь. Сама спросишь при случае.

— Как вообще это возможно? Они ведь ненавидели друг друга!

Крост пожал плечами.

— Я не знаю. Она ушла из школы, искала работу, он ей ее предложил. Яспера хороший маг, способности демона только добавляют ей плюсов. А ди Файр может ее защитить. Лучше он, чем королевская стража.

— Но ведь она должна была работать на корону... а короли стихий не относятся к официальной власти Штормхолда.

— Зато у них куча денег, чтобы можно было устроить все, что пожелается.

— Понятно. Мир перевернулся с ног на голову. Хорошо... как дела у Аннабет?

Я затаила дыхание, готовясь услышать что-то вроде «Аннабет сбежала из школы и подалась в гастролирующий цирк, полный карманников и мошенников».

— С ней все прекрасно. Схлопотала четыре тройка за год, совершенно искренне обиделась, что не дали зарабатывать на сплетнях из школы. А поскольку после запрета ее выгнали из редакции, то, подозреваю, меня считают жутким тираном, хладнокровно задушившим одновременно юный талант и свободу слова в Спаркхарде.

— Ну, хоть что-то не поменялось. Мне нужна одежда. Я с трудом нашла платье с открытыми плечами, но не могу же ходить в нем вечно. И форму придется шить новую. А еще как-то объяснить народу, откуда у меня выросли крылья.

— С этим как раз нет проблем, — ответил Крост. — Некоторые демоны вполне себе имеют крылья. Это редкость и вызовет удивление, но в целом мы сможем объявить всех сомневающихся неучами и отправить на пары нейтрализации. Демоны, увы, не редкость. Побудешь, так сказать, существом классом пониже. Временно. А за одеждой обратись к Алайе. Она сирена, ты не вызовешь у нее удивления.

— Пойдем? — Я с надеждой взмахнула крыльями.

Аж напугалась. Ну и конечности!

— Сейчас? Ты страшная женщина, дай мне поспать.

— Ты сам не спал. Я выспалась.

— Тогда иди... я не знаю, приведи волосы в порядок, найди обувь, наточи когти, залезь на балку под потолком и поспи вверх тормашками. А в обед мы сходим к Алайе.

— Хорошо, — пробурчала я. — В обед.

В душ и вправду стоило сходить, впрочем, вряд ли у Кроста найдутся зелья для волос. Ох и намучаюсь я с этими кудрями. Прошлый мышиный хвостик бледно-шоколадного цвета как-то был проще в уходе.

— Ты сама к нему сходишь или мне рассказать, что здесь случилось? — уже у самой двери меня догнал вопрос.

Я поморщилась. Но Крост этого не видел, крылья за спиной надежно скрывали меня от его взгляда.

— Скажи сам.

— Трусиха.

— Да. Наверное. Бастиан имеет право знать, но... ему не нужна такая Деллин.

— Откуда ты знаешь?

Я улыбнулась. Хотела равнодушно, небрежно, как будто мне совсем наплевать. Получилось вымученно и обреченно.

— Он сам об этом сказал. Он пообещал.

Глава 2

Крост снова уколол меня булавкой.

— Да не дергайся ты! — не выдержал.

— Прости. Они не до конца меня слушаются.

Демоны демонами, а перед выходом пришлось надеть длинный черный плащ, чтобы хотя бы частично скрыть крылья. Они, конечно, болтались за спиной и привлекали внимание, но хотя бы просто фактом наличия, а не специфическим видом.

— Почему ты не могла отрастить... я не знаю, хвост? Смог в рулон и спрятал в карман.

— И как на нем летать? Вертеть, как пропеллером? Я тебе Карлсон, что ли? Который живет на крыше?

— А ты вообще на них летать-то пробовала?

Я закусила губу. После возрождения не пробовала. Я вообще усиленно старалась забыть, что еще час назад меня едва не стошнило оттого, что я крутилась вокруг оси, пытаясь поймать и рассмотреть, как эти крылья крепятся к спине. Почему раньше такие вопросы меня не волновали?

А еще я разбила люстру и мелочно надеялась, что Кейман не узнает.

— Все. Готова.

Плащ оказался застегнут, и если я держала крылья сложенными, их почти не было под ним заметно. Проблема

только в том, что я не всегда могла держать крылья в таком положении. Если забывалась и расслаблялась, расслаблялись и они. Являли себя во всей красе, во всю длину... можно было только представлять реакцию людей на такой сюрприз, скажем, на рынке.

А в школе? Мало того, что мне придется в нее вернуться, так еще и жить под бесконечными взглядами, слушать шепотки за спиной.

— Кейман!

— А? — Он даже вздрогнул, не то от имени, которое в последнее время я использовала редко, не то от внезапности вопроса. — Что случилось?

— А в крылогонках можно участвовать с... э-э-э... встроенным инвентарем?

Ну вот. Кажется, я сломала Кроста. Он впал в такую задумчивость, что поход по магазинам повис в неопределенности.

— Не знаю, — наконец сказал он. — Тренеру решать. Теоретически препятствий этому нет. Крылья же... надо посмотреть, что сказано в уставе. Мы идем?

— Идем, — вздохнула я.

Казалось, первый выход на улицу станет каким-то особенным. Вот она я, живая, иду по земле, смотрю в небо, чувствую, дышу. Но я не чувствовала ничего необычного, пока мы не вышли на крошечную узкую улочку, ведущую к центру города. Я остановилась как вкопанная, и даже если бы захотела, не сдвинулась бы с места.

— Таара?

— Я не могу.

— Что ты не можешь?

— Идти. А если меня кто-то узнает? Позовет по имени?

«А если мы встретим Бастиана? Ясперу? Аннабет?» Но эта мысль осталась невысказанной. Хотя Кросту и не требовалось ее слышать. Он все прекрасно понимал.

— И что ты предлагаешь? Созвать конференцию? Дать объявление в газете? Официально объявить о твоём триумфальном возрождении и отдать тебе актовЫй зал под ка-

стинг для свиты? Там, кстати, Катарина в поисках потусторонней хозяйки. Точно не хочешь принцессу в помощницы?

— Не хочу, — огрызнулась я. — Она в потустороннюю дверь не пролезет.

Но все же Крост накинул мне на голову капюшон и взял за руку — вряд ли это могло спасти от гипотетической встречи со старыми знакомыми, но стало чуть-чуть легче. Под черным плащом в конце лета было жарко, крылья болтались за спиной в неудобном положении и затекали, сама спина адски болела, как будто я неделю карабкалась в гору с огромным рюкзаком на плечах.

Какое-то странное существование возрожденной богини. Эдак через месяцок у меня начнется ПМС, а с приходом первого снега начну синхронно с однокурсниками шмыгать носом.

Я выругалась, запнувшись о длинные полы плаща. Появился риск не дожить до первого насморка.

Крост тихо посмеивался, наблюдая, как я выглядываю из капюшона и пялюсь на витрины магазинчиков, яркие вывески. Одновременно знакомые и нет.

— На что ты там засмотрелась? — спросил он, когда мы проходили мимо «Звезды Штормхолда» — салона, где мне в свое время отказались шить наряд на бал.

— Смотрю платье для бала, — нехотя призналась я.

— Понятно, конец света переносим на весну. У девочки бал.

— Он все равно неизбежен. Какой смысл делать вид, что мне не придется заново привыкать к школе. Нужны форма, платье для бала, легенда о крыльях и стратегический запас выпивки.

— Ага, сейчас, — хмыкнул он. — Размечталась. В моей школе только у одного существа есть стратегический запас алкоголя. И он не планирует расширять число допущенных к нему. А если будешь снова бухать в моей часовне, выпорю. Заведи свою и бухай в ней. Только не на моей территории.

— Я вот думаю, — фыркнула я, — инстаграм в Штормхолде успешно прижился. Если организую стендап с тобой

в главной роли, сколько народ отвалит за билеты? Кстати, где мои заработанные у Найтингрин деньги?

— Демоны, эта женщина невыносима, — пробурчал Крост. — Если ты будешь меня доставать, отправлю на работу. Твое эгушко выдержит носить подносы и напитки?

— Мое эгушко и не то выдержит, я убирала номера в гостинице.

— Судя по состоянию твоей комнаты, ты не очень-то состоялась в этом, да?

Я не выдержала и пихнула Кроста в плечо, а потом все же сняла капюшон, в нем было слишком жарко. Я и от желания снять плащ просто изнывала, но к любопытным взглядам редких прохожих пока не была готова. Кейман и так привлекал внимание. Но Спаркхард был куда больше, чем казался мне, адептке, как правило, гулявшей от школы и до центра города. Поэтому нас пока что никто не узнал.

— Кстати, а что Алайя здесь делает? — спросила я, когда мы уже подходили к невзрачному крошечному домику в самом конце галереи салонов готового платья. — Она ведь работала в столице.

— Во Флеймгорде темным сейчас непросто, а Алайя — сирена. Темных магов никто не трогает, себе дороже, а вот демоны, сирены и прочие существа считаются вторым сортом. Там почти невозможно работать, кошмарит стража. В Спаркхарде люди терпимее, близость школы сказывается, да и общая обстановка. Все потрясения случаются поближе к трону. Алайя решила перебраться до того, как ее магазин сожжет или разнесет безумная толпа.

— И поближе к тебе.

— Ты ревнуешь?

— Констатирую.

— Констатируй молча. Тебе лучше продолжать быть моей племянницей, пока мы не определимся с дальнейшими действиями.

Вслед за Кростом я вошла в небольшое темное помещение магазина, отметив, что Алайя не только сменила столицу на провинцию, но и ужалась по комфорту. Ее мага-

зинчик в свое время стал едва ли не первым, что я увидела в Штормхолде, и тогда показался вполне приличным заведением. А сейчас я словно очутилась в одной из тех лавок с крупицами для бедных. В то время как богачам в салонах магии наливали ароматный чай и подгоняли серебряные браслеты по запястью, усталый и осунувшийся продавец крупиц со скучающим видом скрупулезно отмерял десяток-другой какому-нибудь адепту на стипендии.

Когда к нам вышла Алайя, встала еще одна проблема:

— Нет, нет и нет! Я не собираюсь шить для нее, Кейман! Ты привел девочку ко мне... я стала ее проводником в Штормхолд! Я создала ее образы, благодаря которым она стала любовницей короля Огня! А она работала на дом Найтингрин?! Забыла обо мне и ушла к ней, к этой... этой... напыщенной переоцененной старухе?! Размечтался! Найди себе другую швею для своих любовниц, у меня тоже, знаешь ли, есть профессиональная гордость. Пусть я и не смогла открыть свой дом моды, мы оба прекрасно знаем, что это лишь потому, что такие, как она, — разгневанная сирена ткнула в меня пальцем, — считают нас существами второго сорта!

Даже когда я спустилась напрямик к нему и Акориону, Крост не выглядел таким удивленным. Он смотрел на сирену, явно не понимая, что происходит, и я фыркнула.

— Алайя, ты вообще не в том положении, чтобы думать о гордости. Тебе жрать скоро будет нечего! — сказал он.

Я просто скинула плащ и расправила крылья, испытыв почти наслаждение оттого, что не надо больше их сжимать. У сирены открылся рот, и несколько минут Алайя просто рассматривала крылья.

— А... она... кровь демона? Но разве такое бывает?

— Бывает всякое, Алайя.

— Хорошо. Ладно. Я возьмусь за заказ. Двойная цена.

— Алайя, ты злоупотребляешь моей добротой, — с легким нажимом произнес Крост.

Сирена сдалась. Тяжело вздохнула, махнула рукой, но не упустила шанс игриво стрельнуть глазками в него и промурлыкать:

— Ну... может быть, я сделаю хорошую скидку... если ты останешься на ночь.

— Все, мне это надоело. — Крост подтолкнул меня к двери. — Идем, в Спаркхарде много ателье.

Мне не хотелось бродить по городу в поисках кого-то, кто сумеет сделать вырезы для крыльев на всей одежде, но я не успела даже попытаться уговорить Алайю. Сирена запаниковала раньше, чем мы очутились у двери:

— Хорошо! Я возьмусь.

— Вот и молодец, — удовлетворенно хмыкнул Крост. — Оставляю тебе это чудо, вернусь через часок-другой. Счет отправишь мне, одежду — в школу, на мое имя.

— Я сошью ей платье для бала.

— Что?

Алайя упрямо поджала губы.

— Она пойдет на бал в моем платье. И будет рекомендовать меня среди адептов. И я повешу плакат с ее изображением в платье на дверь.

— Плакат — нет.

— Ты выкручиваешь мне руки!

— Я делаю тебе полугодовую выручку. Старайся, Алайя, богатые девочки живо интересуются чужими платьями. А эта, — он кивнул на меня, — сейчас отличная ходячая реклама.

— Садись... — Алайя со вздохом кивнула на кресло. — Деллин... ты же Деллин, так?

К счастью, она тут же отвлеклась на выходящего Кроста и не заметила, как я пожалала плечами.

* * *

После того, как мы закончили, вернувшийся Крост попытался уговорить меня на обед. Желание поесть в одном из уютных ресторанчиков в городе боролось с нежеланием находиться среди людей, и второе победило. Я даже предложила приготовить обед самой, и показалось, что у Кроста задергался глаз.

— Откуда ты знаешь Алайю? Тоже спасенная нечисть?

— Да, давняя история. А что это ты так ею заинтересовалась?

— Нет, ничего. Просто пытаюсь вспомнить, как вообще появились сирены. Кажется, их создал Акорион... Угадаешь, для чего?

— Не хочу об этом думать.

— Поздно. Ты уже подумал.

Мне показалось, Кейман специально выбирал время с наименьшим количеством народа на улицах. Во всяком случае, если кто-то и обращал на нас внимание, то больше из-за Кроста. И я удачно пряталась в его тени.

Сердце екнуло, когда я вдруг подняла голову и осознала, что мы идем по одной из улиц, параллельных той, где стоял дом Бастиана. Я сначала свернула, а потом уже осознала, что ноги сами понесли в привычный переулочек, через который можно было выйти сразу к воротам.

Или к пепелищу...

Кейман нагнал через минуту, он, погруженный в мысли, не сразу сообразил, что я отстала.

— Не успел тебя предупредить...

От дома остались только развалины. Черные, обгоревшие развалины. Пепел, редкие куски оплавившегося металла. Наверное, идти туда было опасно, но я не смогла удержаться. Отодвинула жалобно скрипнувшую калитку и поднялась по хлипким ступенькам, покрытым толстым слоем сажи. Двери не было, черное нутро сгоревшего дома не ждало гостей.

На миг показалось, будто сны, которыми два года изводил Акорион, вернулись, и сейчас я в одном из них. Под ногами хрустели обломки. В покореженных и обугленных очертаниях совсем не угадывались черты некогда богатого дома.

Я могла восстановить всю последовательность событий. Как спустилась вниз. Увидела Брину. Почувствовала ледяную сталь, легко входящую в тело. Вкус крови на губах. Упавшую следом ставшую ненужной Акориону Брину.

Воцарившуюся тишину...

Сколько времени прошло перед тем, как Бастиан проснулся? Он искал меня наверху или сразу спустился вниз? Уви-

дел сестру, лужу крови на полу, блестящую в свете звезд Тары и Акориона.

Мой огненный мальчик сжег вместе с домом все воспоминания. Пытался, по крайней мере... пусть и не осознавая единственного желания.

Я опустила на ступеньки лестницы и спрятала лицо в коленях, укрывшись крыльями, оставшись наедине с навалившимся в один миг удушающим осознанием того, что пролетевшие полгода — не длинный сон, не долгая поездка. Что Деллин Шторм умерла, с ней попрощались, и это — ее погребальный костер.

Сколько прошло времени, не знаю. Я не услышала шаги рядом, только почувствовала, как по крылу кто-то осторожно поскреб пальцами.

— Тук-тук.

Мне хотелось, чтобы он ушел, но я не могла сидеть здесь вечно. Осторожно раздвинув крылья, я посмотрела на Кроста в образовавшуюся щелку.

— А при мне ты так не делала, — улыбнулся он.

— Делала. Просто обычно когда оставалась одна.

— Я хотел рассказать тебе прежде, чем увидишь. Решил не вываливать все сразу.

— Я не была готова к тому, что его боль окажется страшнее моей.

— Так всегда бывает.

Он протянул небольшой клочок бумаги.

— Это адрес. Сходи.

— Я...

— Ты не будешь готова, — покачал головой Крост. — Даже если пройдет тысяча лет, не будешь. Я не был готов к встрече с тобой, и тебе не станет проще. Либо ты сходишь сейчас, либо однажды встретишь его случайно. Это было бы жестоко. Даже по отношению к ди Файру.

— Но...

— А если встреча пройдет так себе, у меня есть выпивка и три недели до того момента, как на тебя начнет распространяться школьный устав.

Он выпрямился и поправил плащ.

— Ты что, оставишь меня здесь? — Я подняла голову. — Одну? Еще вчера мне было нельзя выйти на балкон, а сейчас я могу гулять в одиночестве?

— За окружающих я больше не волнуюсь. А ты вчера оттаскала братика за ухо. Уж с хулиганами как-нибудь справишься. Мне нет смысла тебя сопровождать. Некоторые разговоры должны проходить наедине.

Крост ушел, оставил меня среди обугленных полуразрушенных стен. Я долго смотрела на крошечный листок с адресом. Мысленно проходила всю дорогу снова и снова, спотыкаясь на начале разговора. Что я ему скажу? Что вообще говорят в таких ситуациях?

Я воображала, как войду в кабинет, где Бастиан, склонившись над бумагами, не заметит моего присутствия. Как поднимет голову — и в его глазах я обязательно что-нибудь увижу. Радость или хотя бы надежду... что-то, за что получится зацепиться.

Но реальность оказалась прозаичнее: у ворот большого дома меня остановил страж.

— Это закрытая территория, леди. Вам сюда нельзя.

— Я пришла к Бастиану ди Файру. Мне нужно его увидеть.

Страж с сомнением на меня посмотрел. Его взгляд невольно задержался на торчащем плаще, а потом снова обратился ко мне.

— Ну, хорошо, — наконец сдался. — Я доложу. Как вас представить?

— Я..

Мужчина нетерпеливо кивнул, подталкивая к ответу.

— Деллин. Скажите, что пришла Деллин Штурм.

Он отправил напарника, а сам остался со мной. Напряженная поза выдавала готовность в любую секунду броситься в бой, а взгляд неотрывно за мной следил. Я пыталась делать спокойный и безобидный вид, но разве можно выглядеть невинно и доброжелательно, если из-под плаща то и дело выглядывают демонические перепончатые крылья?

Спасибо матушке, хоть с рогами или жуткой рожей не возродила.

— Прощу, — когда напарник стража вернулся, он открыл передо мной ворота, — госпожа вас примет.

Холодной волной в душе поднялась паника. Госпожа? Его мать здесь? Боги, что я творю! Но почему не сам Бастиан, а мать? И что я сейчас ей скажу? Здравствуйте, я — восставшая из мертвых, переродившаяся в богиню бывшая девушка вашего сына. Можно чаю?

Поразительно: я не чувствовала ничего, кроме всепоглощающей ярости, когда сжимала горло Акориона, а сейчас от былой уверенности не осталось и следа. Даже смешно: богиня смерти боится встречи с матерью парня, в которого влюбилась.

Из-за нахлынувших эмоций я почти не рассмотрела дом. Хотя вряд ли я бы увидела что-то особенное: Бастиан купил его на замену старому, чтобы просто работать.

Страж привел меня в гостиную и, кивнув на прощание, оставил. Здесь было уютно и тепло: весело трещал камин, две ароматические свечи на столе наполняли комнату запахами смолы и лемонграсса. Только взгляду было не за что зацепиться: ни картин на стенах, ни личных вещей на полках. Идеальный интерьер, как из журнала.

А еще идеальная Яспера. До тошноты идеальная, с бокалом красного вина в изящной руке с агрессивным черным маникюром, в белоснежной рубашке и свободных брюках, подозрительно напоминавших домашние. Она стояла в дверях, мрачно и с присущей ей легкой усмешкой глядя на меня.

— Что ты здесь делаешь? — Вопрос вырвался прежде, чем я сама догадалась.

— Живу. А что здесь делаешь ты?

— Я хочу увидеть Бастиана.

— Его нет. Он улетел во Флеймгорд.

— И оставил здесь тебя?

— Да. Именно так. В его отсутствие в доме хозяйка я.

— Вы... вместе?

Я постаралась, чтобы со стороны не было заметно, что воздуха в легких почти не осталось и дыхание остановилось. Но Яспера все прекрасно понимала. И кайфовала, наслаждаясь властью.

— В отсутствие Бастиана я не имею права что-либо о нем рассказывать посторонним. Особенно тем, от кого неизвестно чего ждать.

— Когда он вернется? — Я стиснула зубы.

Яспера холодно улыбнулась, неспешно и с наслаждением отпив из бокала.

— Извини. Эта информация также относится к закрытой. Можешь оставить ему записку.

Только вот вряд ли эта записка вообще к нему попадет.

— Мне нужно поговорить с ним лично.

— Тогда я ничем не могу помочь. И причин оставаться здесь у тебя больше нет. Арден тебя проводит.

На миг я представила, как сжимаю пальцы на горле Ясперы. Как она беспомощно хватает ртом воздух, молча умоляя отпустить ее. Как оседает на пол, отключаясь, превращаясь в безвольную холодную куклу. Фантазия вышла такой яркой, что я вздрогнула, осознав, как сильно сжала пальцы в кулак.

А ведь я делала это раньше. И не раз. Убивать своими руками того, кто вызывает раздражение, — одно из жутких удовольствий, ставших доступным в мире, созданном братом.

— Осторожно, Яспера, — я нашла в себе силы улыбнуться, — я твою ненависть уже видела. А вот ты с моей еще не имела дела.

— Пошла вон, — глухо и равнодушно бросила демоница.

Зря я к нему пришла. Ноющая боль и тоска по прошлому не шли ни в какое сравнение с ненавистью и ревностью, которые я испытывала сейчас. Разница была лишь в том, что боль превращала меня в несчастную девочку, прячущуюся в крыльях от мира и собственного прошлого, а ревность — в отражение той Таары, которая однажды стала серьезной проблемой для Штормхолда и Кроста. И грозила стать ей снова.

На Спаркхард опустилась темнота. В будний вечер, плавно переходящий в ночь, жизнь кипела только в центре: в рестораниках и магазинах. Жилые улицы были пусты, и мои шаги эхом проносились по ним. Я нарочно выбрала самый длинный путь до дома Кроста, чтобы успокоиться и придумать, что ему сказать.

А еще почти сразу заметила чужое неотступное внимание. Некто следовал за мной на протяжении двух кварталов, и можно было обернуться, выманить незнакомца из сумрака, но я решила подождать. Всегда успеется связаться в драку.

— Деллин Шторм... — Преследователь не заставил себя долго ждать. — Вы назвали так охраннику... теперь вы используете это имя, моя богиня?

Я резко обернулась, от разлетевшегося плаща в воздух поднялись опавшие листья небольшого деревца, пробившегося через разошедшуюся от воздействия времени и магии брусчатку.

Мужчина стоял в тени, все, что можно было рассмотреть, — это темный, наглухо застегнутый плащ и бледные длинные пальцы, нервно перебирающие серебристые четки, поблескивающие в свете звезд.

— Кто ты такой? И что тебе нужно?

— Ваше создание, ваш слуга, частичка вашей силы — хаоса. Демон, моя госпожа. Мое имя Ванджерий.

Я очень надеялась, что сумела сохранить бесстрастное лицо, потому что богиня, открывающая рот при виде демона, точно не тянет ни на госпожу, ни на частичку хаоса. Ванджерий... демон, обративший Ясперу, один из союзников Штормхолда, тоже своего рода король.

Как-то их слишком много расплодилось в мире. Проредить ряды, что ли?

— И что тебе от меня нужно?

Ванджерий вышел из тени, явив слегка бледное лицо с тонкими чертами. Особенно впечатлили его глаза: с вертикальными зрачками, поблескивающие в темноте. В Яспере демонические черты проявлялись изредка, большую часть времени она казалась обычным человеком. А вот Вандже-

рий не просто имел облик демона, но и гордился им. Самолюбование и абсолютная уверенность в себе сквозили в каждом его жесте, в каждой улыбке — на них он не скупился.

Подошел, чуть склонился и холодными губами коснулся тыльной стороны моей руки. Наверное, если бы он ее откусил, я бы впала в меньший ступор.

— Решил выразить поддержку, госпожа. Должно быть, вам нелегко вернуться спустя столько времени. И вы остро нуждаетесь в поддержке. В тех, кто встанет за вашей спиной и будет верно вам служить.

Да, вот только одна проблема: пока что за моей спиной встать невозможно — адептам со второй парты будет плохо видно доску.

— Мне подумалось, вас заинтересует мое предложение. Не стану скрывать, я долго присматривался к леди Штурм и почти решился предложить ей свои услуги. Но все же очень рад, что вы к нам вернулись.

— Услуги? Какие услуги может предложить мне создание моего брата? У нас с Акорионом сейчас немного разные дороги.

— О, я предполагал такой исход, — хищно улыбнулся Ванджерий. — Признаюсь честно: власть вашего брата не совсем меня устраивает. Его возвращение давно обсащивается в кругах темных нелюдей, и немногие жаждут служить тому, кто мечтает ввергнуть мир в хаос. Нас, знаете ли, устраивает положение дел. Мы хозяева своих земель, нас боятся, уважают. Обидно превратиться из королей тьмы в слуг хаоса.

— Ближе к делу, Ванджерий, я теряю терпение.

И мечтаю о запасах Кроста. Тех самых, которые мне не достанутся в школе.

— Вам будут нужны союзники. Победу в войне обеспечивает армия. Можете вообразить, какие силы я могу привлечь на вашу сторону.

— Акорион обладает властью над всеми темными существами. Какой смысл мне доверяться тем, кто предаст по одному мановению его руки?

— Вы и сами знаете, что его власть не безгранична, а ваша не меньше. И многое будет зависеть от того, на чьей стороне мои братья. К тому же не стоит недооценивать меня, госпожа. Прежде чем делать предложение богине, я тщательно продумал все детали. И хочу предложить кое-что, что вас заинтересует.

— И что же?

— Меч. Тот, которым в свое время Крост убил вас. Тот, который раздобыл ваш брат. Мы оба знаем, для чего он ему нужен. И оба знаем, что если вы заполучите меч, то баланс сил... несколько сместится. Я могу достать его.

— Возможно.

Я с интересом посмотрела на Ванджерия. Блефует? Уж не очередной ли это привет от братика? Можно ли верить демону, да еще и тому, который много лет назад обратил Ясперу?

— И что ты хочешь взамен?

— Ее.

Я рассмеялась. Ну да, конечно. Полагаю, верить ему все-таки можно: от одного упоминания Ясперы глаза демона зажглись какой-то страстной одержимостью. Он напомнил ребенка, мечтающего о крутом подарке от Санты. Только очень жуткого ребенка почти под два метра ростом.

— Предать бога из-за женщины? Как-то мелко, Ванджерий. Я думала, ты попросишь половину королевства, не меньше.

— Вам известно, что такое одержимость женщиной, госпожа?

Конечно! Я, блин, с первого курса в эту дуру влюблена. Сейчас вот принесу ей шкуру мамонта вместо обручального кольца, и улетим в закат... на Землю. В Лас-Вегас.

Мамонт меж тем продолжал, даже не подозревая, какие кровожадные фантазии появлялись у меня в голове.

— Вы не можете себе представить, как это невыносимо — быть от нее вдали. Знать, что она просыпается не рядом с тобой. Знать, что моя малышка одна в жестоком мире смертных, ненавидящих нас. Знать, что ее трахает этот...

Ванджерия передернуло, а на лице промелькнула гримаса отвращения.

— Я знаю, что однажды она смирится. Я дал ей время. Но мысли о Яспере больше невыносимы, я должен ее заполнить! Таара... госпожа... Вы — и ее, и моя богиня. Вы обладаете властью над демонами, в ваших силах отдать Ясперу, мою девочку, мне. Пожалуйста, подарите мне ее! И взамен получите силу моего народа... самую смертоносную, не знающую страха и усталости, армию. И артефакт, способный уничтожить вашего главного врага.

Он заглянул мне в глаза, пытаясь найти там ниточку, за которую можно потянуть. Крючок, на который я попадусь. Ванджерий не зря носил свою корону, он был умен, хитер, а еще одержим желанием получить Ясперу, и потому ниточку нашел сразу.

— Я не враг вам, госпожа. Подумайте о том, какую выгоду мы оба получим от сделки. Вы — избавитесь от той, что ненавидит вас всей душой. От той, что отняла возлюбленного. А я получу смысл своей жизни. И мы вместе выступим против хаоса.

Богиня хаоса против хаоса. Ну прямо пчелы против меда.

— Я подумаю, Ванджерий, — после долгой паузы сказала я. — Обязательно подумаю.

И обязательно использую эту встречу. Такой козырь просто нельзя упускать.

— *Это твой мир?*

Я смотрю на город с высоты. Где-то в отдалении слышится звонок мобильного, а из приоткрытого окна в помещение врывается шум автострады. Жадно всматриваюсь в ночной пейзаж, после сказочных улочек Флеймгорда кажущийся слишком футуристичным. Хотя на самом деле это обычный земной город. Суевливый, неспящий, всегда в непрерывном движении.

— *Да. Это мой мир.*

— *Красивый.*

— *Ночью особенно.*

Все эти люди в машинах сейчас направляются домой после работы. Они не подозревают, что где-то там, за магической завесой, есть огромный мир. Со своими законами, катастрофами и легендами.

— Как думаешь, Штормхолд — это другая планета? Или все еще Земля, только в параллельном измерении?

— Я не знаю, Деллин. Я ничего не знаю о твоём мире.

Он проводит горячей ладонью по моей спине. Непривычная легкость из-за отсутствия крыльев даже пугает: я так быстро к ним привыкла...

— Бастиан... Прости, что бросила тебя. И прости за Брину. Если бы я могла сделать так, чтобы он не трогал вас...

— Деллин. Не проси прощения за чужие преступления. Ты умерла, а не предала нас.

— Я скучаю.

— Я тоже. Ты впервые мне снишься.

— Бастиан...

Я хочу спросить о тысяче вещей. Любит ли еще. Примет ли новую Деллин. Есть ли у него что-то с Ясперой.

Но слова противным болезненным комом стоят в горле, пока я смотрю на него, ловлю редкие мгновения близости, пусть и выдуманной. Так страшно мне еще не было, больше всего на свете я боюсь, что если признаюсь, что и сейчас воспоминания Таары со мной, то больше никогда его не увижу.

Он хочет видеть Деллин, но я не могу быть ею в реальности. Зато могу во сне.

— Несправедливо... — задумчиво говорит Бастиан, — что Крост получил свою Таару. Ему дали второй шанс. Хотя он его и не заслуживает.

— Обними меня.

Я бы осталась на Земле из этого сна. Пожалуй, осталась бы.

Глава 3

— Эй. Таара. Проснись.

Крост потряс меня за плечо, и сон слетел мигом. Я испытала острое разочарование, даже поморщилась и попыталась украдкой вытереть слезы, но с таким же успехом можно было делать вид, что я сдохла: Крост прекрасно все видел и пришел, наверное, потому что я завываниями мешала ему спать.

— Ты в порядке?

— Да. Голова болит. Сколько мы вчера выпили?

— Не «сколько», — хмыкнул он, — а всё. Ленард с утра ныл, что даже кефира не осталось.

— Ленард?

— Да, я как раз хотел тебе сказать, прежде чем ты устроишь очередное явление богини подданным в своем любимом стиле. Мы не планировали встречаться здесь, но Сайлер выступил с новым предложением, и надо его обсудить. Хочешь — можешь присоединиться, рано или поздно тебя придется всем показать. Либо ближайшие три-четыре часа не спускайся вниз.

— А кто пришел?

— Ленард, Берген, Яспера, Уотертонн, несколько магистров, которых ты вряд ли знаешь, и глава стражи Спаркхарда. И ди Файр.

— Я думала, он во Флеймгорде, — нахмурилась я.

— Извини, он не докладывает мне о приключениях и перемещениях. Но, полагаю, во Флеймгорде он был, потому что именно ди Файр привез нам занятные новости. Так что? Принести тебе завтрак сюда?

— Нет, — чуть подумав, сказала я, — спущусь.

Пора уже что-то делать, иначе, пока я здесь заботливо возвращаю и удобряю страдания, Сайлер развалит королевство, Акорион устроит апокалипсис, а Яспера родит тройню. И неизвестно еще, что хуже.

— Тогда давай договоримся, что мы не будем пугать людей, хорошо? — улыбнулся Крост.

— Я не могу отстегнуть крылья. А это уже пятьдесят процентов испуга.

— Но ты можешь с ходу не обещать утопить в хаосе Арена Уотерторна, например.

— Я никогда не обещала утопить Уотерторна.

— Но вчера ты вернулась злая, ничего не рассказала и выпила все мои запасы. Поэтому я перестраховываюсь. Скоро начинается учебный год, и мне некогда закапывать трупы.

— Хорошо, я поняла. Буду молча слушать.

— Свежо предание, — фыркнул он. — Одевайся.

Я бы с удовольствием надела что-то простое и удобное, но Алайя только сняла мерки и вряд ли приступила к заказу, поэтому снова пришлось взять платье с открытой спиной и пытаться втиснуться в него вместе с крыльями. Наряд не слишком подходил для встречи на тему грядущего апокалипсиса, поэтому, спускаясь вслед за Кростом, я чувствовала себя идиоткой.

— Кхм... господа. Скрывать ее нет смысла, поэтому лучше вы узнаете сейчас. Сегодня к нам присоединится...

Он обернулся вправо, но я уже успела передислоцироваться и, хихикнув, помахала рукой с левой стороны. Мне достался укоризненный взгляд Кроста, равнодушный — Ясперы, заинтересованный — Ленарда, Бергена и остальных, веселый — Уотерторна.

А Бастиан лишь обжигающе холодно скользнул по мне взглядом. Нарочито бесстрастно, но я успела поймать его взгляд и заметить в глубине темных глаз опасные искорки. О нет, он не остался равнодушным, увидев меня, но неужели научился держать эмоции при себе? Сердце невольно сжалось от мысли, при каких обстоятельствах пришлось учиться.

— Деллин! — первым воскликнул Ленард и, подскочив, заключил меня в объятия, совсем не свойственные магистру, который у меня даже не преподавал. — Я рад, что вы очнулись!

Интересно, он не заметил крылья или тактично сделал вид?

— Я так понимаю, — усмехнулся Уотерторн, — нам следует преклонить колено?

— Вам — было бы неплохо, остальным необязательно, — холодно ответила я.

— И в чем разница между ней и Деллин Штурм? — поинтересовался водник.

— В том, что у меня дисграфия пропала. Могу нацарапать тебе на лбу неприличное слово без ошибок.

— Так, — Кейман мягко отстранил меня подальше от водного короля, — давайте вспомним, что у нас временный нейтралитет, и не будем царапать никакие слова. Таара, сядь, пожалуйста, куда-нибудь. Арен, не дразните ее, она этого не любит, а теперь еще и может сделать физическое замечание.

Я ему что, собака? Не дразни Бобика, он кусается.

Но села в кресло, так, чтобы видеть всех присутствующих. Наличие зрителей за спиной неимоверно бесило.

— Я так понимаю, король сделал предложение? — спросил Крост.

Бастиан мрачно кивнул, все так же на меня не глядя.

— Брину отправят в закрытую школу до полного истощения магии, затем отпустят.

— Если?

— Если я передам Дом Огня дяде.

— Ожидаемо.

— Я отказался.

У меня сам собой открылся рот.

— Но ее же казнят, — вырвалось у меня.

Бастиан долго молчал. Никто не решался нарушить гнетущую тишину, а Крост выглядел мрачнее тучи. Он любил детей, которых воспитывал. В Брину вообще было сложно не влюбиться. Холодная, надменная, но с огромной любовью к брату и жизни вообще.

— Она этого хочет, — наконец с видимым трудом произнес Бастиан. — Она просила, чтобы мои законники выбрали казнь.

— В закрытой школе она не дотянет до выпуска, — вздохнул Ленард. — А если и дотянет, то будет тенью прежней Брины. Как ни жутко признавать, но она права. С казнью все хотя бы кончится быстро.

— Нельзя, чтобы на трон сел Кайден, — равнодушно бросил Уотерторн. — Есть вещи, ради которых нужно жертвовать всем.

— И многим ты уже пожертвовал? — поинтересовалась я.

— Да прекратите! — рыкнул Крост. — Вы либо заодно, либо катитесь к демонам, мне хватает школы, чтобы еще и здесь играть в воспитателя.

— Извини, — буркнула я. — Но нельзя жертвовать Бриной! Надо дать понять, что Акорион не может получить все, что хочет.

— И что вы, моя богиня, предлагаете? — хмыкнул Уотерторн.

«Заткнуться», — подумала богиня, но по настоятельной просьбе Кроста промолчала.

Я повернулась к Кейману.

— Надо ее вытащить, и все.

— Надо. Предлагаешь пойти на открытый конфликт со стражей и Сайлером? Вломиться в школу и увести ее?

— Предлагаю делать то же, что делает он. При возникновении вопросов валить все на меня. Пришла Таара, снесла стену, умыкнула принцессу, плюнула в директора и ускака-

ла, лихо хохоча. Претензии не принимаются, кто знает, что там у этой долбанутой бабы в голове.

— Почти официальный ответ. Ну а если король потребу-ет тебя для суда? Что мы ему скажем?

— Тогда пусть объявляет меня Таарой и доказывает, что я и Деллин Шторм — это одно лицо. С удовольствием на это посмотрю. Особенно если вдруг ему удастся, и придется рас-сказать Штормхолду, что мне его дочурка в свите на хрен не сдалась. Кстати, мне в голову тут пришел вопрос.

Кейман изрядно веселился, наблюдая за реакцией на меня остальных. Сложив руки на груди, он сел на подлокотник дивана, и от меня не укрылось, как чуть отодвинулась Яспе-ра. Кстати, чего это они с Бастианом не рядышком?

— И что за вопрос?

— Король всем объявил, что приносит дочь в жертву бо-гине смерти во имя блага Штормхолда. Но согласно ритуалу Катарина сначала должна сгореть в пламени хаоса, а уж по-том лоббировать папочкины интересы в ряду фрейлин бо-гини. Учитывая то, что я не имею ни малейшего желания об-ращать против нее пламя хаоса, а еще не уверена, что помню, как это делается... что будет делать Сайлер, который в кур-се, что все это постановка? Спрячет ее и объявит, что Таара теперь наша?

— Хороший вопрос.

Что-то мне подсказывало — в первую очередь в глазах Кроста, — что на вариант «спрячет и наврет» он не слиш-ком-то надеялся.

— Можно я воспользуюсь репутацией пессимиста и пред-положу? — сказал Уотертон.

Крост пожал плечами, мол, валяй.

— Принцесса должна умереть. Если Катарина объявит-ся где-то, пусть даже вне Штормхолда, для Сайлера это бу-дет означать конец. А так история красивая: король скрепя сердце и скрипя зубами отдает дочку в жертву богине, чтобы спасти королевство. Принцесса в муках погибает. А дальше либо наш дорогой друг Кейман Крост спасает мир и Сай-лер гордо предстает перед восхищенным народом, либо все

катится в хаос, но в этом случае бунт — последнее, чего будет нужно бояться. Поэтому примет Таара жертву или нет, Катарина умрет.

— Проблема в том, — Ленард сделал глоток остывшего кофе и поморщился, — что Акорион так или иначе найдет, как надавить на его величество. И лучше бы нам надавить первыми.

— Поэтому Катарина должна жить, — кивнула я.

— И что ты предлагаешь? Снова сломать стену и убежать в закат, лихо хохоча? — спросил Крост.

— Да!

— Как у тебя все просто.

— Что не так?

— Мы не можем вламываться в тюрьмы и школы по своему хотению. Это рискованно. Твоя сила не восстановилась, ты едва ли сильнее Деллин. А может, и слабее.

Я щелкнула пальцами, вызвав сноп электрических искр. Потом, правда, тут же пожалела: Кейман помрачнел и стиснул зубы, но зато впечатлились окружающие. Не столько проявлением магии — в общем-то, простеньким и почти детским — сколько сочетанием магии и крыльев.

— Если тебя поймают...

— Кто меня поймает? Взмахнула крыльями — и до свидания.

— Крылья не съемные. И доказать, что девушка, забравшаяся во дворец, и адептка Деллин Шторм — одно лицо, сможет даже глухонемой престарелый законник в маразме!

— Мы уже пробовали делать по-твоему! — почти крикнула я. — Это не сработало! Брига в закрытой школе, Катарина готовится стать шашлыком, а адептке Деллин Шторм всадили нож по самую рукоять! Давай попробуем по-моему. Никто ничего не успеет понять. Мы устроим грозу, такую, чтобы у Сайлера башни попадали, я не буду лезть через забор, стража меня не заметит. Спущусь сверху, залезу в окно — и принцесса спасена. Все.

— Все, — передразнил меня Крост. — Ты сначала научись летать на крыльях, спасительница принцесс.

— Впереди больше двух недель. За это время можно стать чемпионкой крылогонок. Зато у нас будет принцесса. Спрячем ее и выдадим королю ультиматум: или он кончает заниматься мракобесием и готовит Штормхолд к противостоянию с Акорионом, или мы предъявим народу принцессу, богиню и посмотрим, как его вздернут на площади. И да, будем дико хохотать при этом.

— А потом вломимся в школу и заберем Брину. Может, сразу пойдем и уьем Акориона?

— Классная идея. Схожу за плащом.

— С тобой невозможно разговаривать.

Я закатила глаза. Народ вокруг притих и, похоже, просто наблюдал за шоу.

— Что ты предлагаешь? Сесть за стол переговоров? Я. Не. Хочу. Разговаривать. Король идиот. Запутавшийся, натворивший дел придурок, который онанирует на корону вместо того, чтобы решать реальные проблемы. И он казнит Брину, прекрасно зная, что она не виновата. И однажды объявит меня ненормальной психопаткой, которая заживо сожгла всеми любимую принцессу просто по приколу.

— Как будто это неправда, — тихо хмыкнула Яспера.

На ее несчастье, именно в этот момент все замолчали, и слова повисли в воздухе. Я встретилась взглядом с демоницей и кожей ощутила ее ненависть, смешанную со страхом. Темная сущность внутри Ясперы боялась меня. Я чувствовала, что стоит лишь ухватиться за нужную ниточку, потянуть — и власть превратится в абсолютную. Чувствовала это и Яспера, поэтому казалось, будто она сражается за собственную жизнь с гордо поднятой головой.

— Тебе лучше вернуться в школу, Яспера, — ласково улыбнулась я. — Ванджерий в городе. В школе тебе будет безопаснее.

На лице демоницы застыло выражение недоверия и ужаса, Крост выпрямился, да и остальные тревожно переглядывались. Я поднялась.

— Пожалуй, я бы не отказалась от чашечки кофе. Кому-то сделать? Нет? Ладно. Вернусь через несколько минут.

— Таара! — рявкнул мне вслед Крост.

Я уже засыпала в турку кофе, когда он следом вошел в кухню.

— Как это понимать?

— Что?

— Прекрати. Что значит Ванджерий в городе? Ты видела его?

— Да, видела.

— Когда?

— Вчера. — Я пожала плечами. — Он шел за мной от самого дома Бастиана, хотел поговорить.

— Тебя ничего не смущает?

Крост выглядел примерно так же, как турка: вот-вот готовился перейти к кипению. Я старалась наливать кофе в чашку спокойно, но мысленно готовилась к бою. И видят боги, этот бой я проигрывать не собиралась!

Хотя какие боги? Боги здесь ни черта не видят.

— Что меня должно смущать, по-твоему?

— Ты могла мне рассказать о Ванджерии.

— Я только что рассказала.

Он со всей дури грохнул кулаком по столу, но времена, когда гнев господина директора меня пугал, миновали.

— Вот так? При всех? Выбрав удобный момент?

— Если тебе интересно, я собиралась сделать это днем. У нас есть сливки?

— Ты перешла черту, Таара.

— Что тебе не нравится? Я сказала правду, дала совет, в котором уверена. Ей будет безопаснее в школе, Ванджерий одержим. Школа хорошо охраняется, в школе есть ты.

И даже я. Если хоть кто-то, близкий Акориону, туда сунется, к хозяину поедет по частям, разными рейсами.

— Ты могла сказать вчера. Мне. Наедине.

— А она могла промолчать? Или только твоей Яспере можно распускать язык? Чего она ждала? Пора уже уяснить, что времена, когда можно было бить по рукам ненавистную студентку, прошли. И теперь или она заткнется, или бить по рукам буду я.

— Хватит! — рявкнул Крост. — Ты не смеешь манипулировать людьми в моем доме и в моей школе! Думаешь, я не понимаю, зачем ты придержала ценную информацию о Ванджерии? Считаешь, все это — твои игры? Думаешь, можно убрать Ясперу подальше от ди Файра и снова станешь ему нужна?

— Да-а-а. — Я отхлебнула горячий кофе. — Иногда тебя стоит злить просто для того, чтобы слетела маска разумного опекуна.

Горчит. Кофе? Или то, что мы сейчас творим?

— Я бы сказала тебе, лично, наедине, шепотом и в подробностях, но видишь какая штука? Яспера не умеет держать при себе свою ненависть, хотя лично моей вины в том, что ее чуть-чуть покоцали в ранней юности, нет. Это братик придумывал ритуал с пересаженным сердцем, и твоя подружка могла бы предъявлять претензии ему. Но вот незадача: братик был далеко, а еще мог втащить. Поэтому объектом травли выбрали Деллин Шторм. Издевались над дислексией, рассказывали о том, как меня следовало бы убить, чтобы нормальные люди не мучились. И даже сейчас, когда, казалось бы, стоит засунуть язык в задницу, она лезет на рожон.

Я все-таки не выдержала: под потолком опасно сверкнуло электричество.

— Но к Яспере у меня нет вопросов. Она получила то, на что нарвалась, и мне правда плевать, будет деточка рыдать в подушку от страха в доме Бастиана, вернется в школу, чтобы портить мне настроение, или отправится к демонам в прямом смысле этого выражения. Меня волнует вопрос, почему ты промолчал. И почему хамство Ясперы в мой адрес при всех, при преподавателях, которые знают меня как Деллин, при человеке, которого я люблю, спустя пару недель после возвращения из мертвых — это нормально, а когда я ответила — снова во всем виновата. Может, потому что ты сам не можешь разобраться в себе?

— Я с тобой согласился, Таара. Я готов был выслушать твои предложения и подумать над тем, как вытащить Ка-

тарину и Брину. Но если ты будешь так вести себя, то разговора у нас не получится. И жизни тоже. Я тебе не нужен, считаешь меня и мое окружение врагами — можешь жить самостоятельно. Акорион обрадуется, если мы превратимся в кучку враждующих скандалистов.

— Одна проблема, Кейман: это твоё окружение считает меня врагом. Ты просишь меня быть милой и доброй с человеком, который не упускает случая ударить побольнее.

— А ты вообще способна быть милой и доброй? — поморщился он.

Воцарилась гнетущая, противная тишина. Пахло мятой: свежие листья лежали в вазочке на столе. Запах напоминал о школе, мятном чае, который давали по выходным. Пушистым снегом за окном.

— Не возвращайся. Я не хочу сейчас тебя видеть, — бросил напоследок он прежде, чем вернуться в гостиную.

Кофе обжигал ладони. Подумалось, что стихийная магия мне все еще неподвластна и придется купить браслет с крупицами. Да и кучку черных повесить на запястье для маскировки, так же, как это делал Крост.

За окном сгущались тучи. Меня разобрал нервный смех, когда от первого раската грома сотряслись стены. Родной Штормхолд. Родная гроза, как давно я тебя не слышала! Как же хотелось, чтобы ураганом снесло все подчистую. Флеймгорд с ополоумевшим королем и готовящейся в жертву принцессой, школу со всеми ее мажориками, этот чертов дом, где я тоже гостя. И Кроста, будь он проклят.

— Деллин, вы в порядке?

Я словно вышла из оцепенения, взглянула на часы и поняла, что просидела на кухне почти полтора часа. Все, должно быть, разошлись, а ведь я хотела поговорить с Бастианом. Почему он не зашел?

— Садитесь, магистр. Хотите кофе?

— Не откажусь, если вы... м-м-м... готовы его сварить. Я могу и сам, просто обычно у меня получается какая-то бурда, если честно.

— Для вас — все что угодно. Все уже закончилось? Все разошлись?

— Бастиан и Кейман еще здесь, обсуждают судьбу девушки, Брины. И Яспера, кажется, поднялась наверх. Вряд ли он теперь выпустит ее.

— Тогда придется собирать вещи. У вас большой дом?

Он рассмеялся, размешал в чашке с кофе сахар, когда я подала, и с наслаждением пригубил.

Молчать с Ленардом было проще, чем с Кростом. Он, конечно, нет-нет да и с любопытством на меня поглядывал, но при этом хотя бы не видел во мне безумную богиню. Или видел, но до конца не понимал, как именно связаны она — девушка из легенд о темных — и я — внешне почти обычная Деллин Шторм.

— Вы меня боитесь? — спросила я.

— Нет, а должен?

— Не знаю. Эти крылья жутковатые.

— Я видел и не такое, Деллин. И потом, вы заблуждаетесь, если считаете, что сильно изменились.

— Что? — Я вскинула голову.

— Невозможно остаться прежним человеком, пройдя то, через что прошли вы. Я, конечно, не знаток, возможно кто-то и видел в вас трепетную наивную девицу, но я еще помню, как вы приперли меня к стенке, пытаясь выяснить правду об адептке Фейн.

— И вы мне ее не расскажете?

— Нет, — с улыбкой подтвердил Ленард.

— Значит, и вправду не боитесь. Это немного утешает.

— Если хотите поговорить с Бастианом, вам стоит поторопиться. Он не слишком-то любит ходить в гости к Кейману.

— Да уж, мне сейчас только Бастиана не хватало, — пробормотала я, но все же поднялась.

За окном снова гроыхнуло, порывом ветра распахнуло окно, и стакан, опрометчиво оставленный на подоконнике, полетел на пол. Машинально я вскинула руку, замедля падение. Ленард задумчиво наблюдал.

— Думаете, что-то может быть хуже, чем ваш недавний разговор с Кейманом?

— Его вся улица слышала или только пара соседей?

— Мы слышали лишь грохот, но у господина директора очень живая мимика, — усмехнулся Ленард. — Не волнуйтесь, Деллин. Все образуется.

Нет, правда, я почти готова переехать к Ленарду. Пусть он не умеет варить кофе, зато восхищается моим, а это не самая, надо заметить, божественная эссенция. А еще Ленард смотрит на Деллин. И видит Деллин, и разговаривает с ней. Глоток свежего воздуха среди настороженных опасливых взглядов.

Что ж, к голосу разума стоило прислушаться. Невозможно жить во сне, рано или поздно придется говорить с Бастианом. Почему бы не сегодня?

Хотя я бы нашла миллион этих причин. Только они все сводились к позорной панике, совершенно недостойной образа, которого я придерживалась. В районе солнечного сплетения все жгло от иррационального страха. Руки неприлично дрожали. Когда я вошла в гостиную, Крост с Бастианом уже закончили. Кейман лишь скользнул по мне холодным взглядом — и устремился к лестнице, а Бастиан подхватил плащ, висевший на спинке кресла.

— Привет, — сказала я.

Рука парня замерла над плащом.

— Привет, — после паузы ответил он.

— Я заходила вчера.

— Да, Яспера сказала.

Я жадно всматривалась в знакомые черты. В светлые, по обыкновению растрепанные волосы, чуть более длинные, чем когда мы расстались. Этот Бастиан казался необычным: на его лице отсутствовала привычная усмешка, а в глазах появилась совсем не свойственная Бастиану серьезность. Она и раньше, вместе с пламенем, зажигалась в темных омутах, но сейчас, похоже, стала неотъемлемой частью его облика.

— Я думала, ты хотя бы напишешь. Или поговоришь со мной.

— О чем?

— Считаешь, что не о чем?

— Прости. — Он нахмурился. — Действительно не понимаю, о чем я должен с тобой говорить.

Я сделала судорожный шаг вперед, но запуталась в полах платья и замерла, чтобы не свалиться на пол, как мешок с картошкой. Демоновы крылья!

— Может, о том, что нужно спасти Брину? Наплевав на все аргументы и решения Кроста, просто взять и спасти?

— Да, — кивнул он. — Мои руки связаны, но если тебе удастся, я буду у тебя в долгу.

— Мне не нужен твой долг. Я...

Показалось, будто меня окатили ледяной водой.

— Я знаю, что прошло много времени. Все так изменилось. Но мне казалось, за полгода невозможно разлюбить. Ты ведь любил?

— Деллин? Любил. Только какое отношение к ней имеешь ты?

— Все не так просто... Она...

— Она мертва, — отрезал Бастиан.

— Она всегда была мной.

— Нет. Ты похожа на Деллин, но между вами пропасть.

— Тогда почему ты не ответил Арену, когда он спросил, в чем разница между мной и ней?

Там, где еще недавно сидел страх, теперь словно разорвалась осколочная граната. В памяти всплыл разговор с Бастианом, еще в школе, когда он признался, что отношение после пересадки к нему изменилось. Что сестры стали бояться, что никто больше не смотрел на него как на родного человека. В глазах Бастиана сейчас не было страха, но он смотрел на совершенно постороннего человека, лишь отдаленно похожего на девушку, которую он пригласил на выпускной.

Мне хотелось узнать тысячу вещей. Как он, как Брина, получил ли Бастиан диплом, чем теперь занят. Но между нами теперь выросла гигантская глухая стена.

